

РЯЗАНОВ Даниил Сергеевич –

к. филос. н., доцент кафедры связей с общественностью Дагестанского государственного технического университета.

367015, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, пр-кт имама Шамиля, 70.

dsryazanov@mail.ru

ПСЕВДОКОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И НЕЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ИДЕОЛОГИИ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА (по материалам Хизбут-Тахрир аль-Ислями)

PSEUDO-CONSTITUTIONALISM AND ILLIBERAL DEMOCRACY IN THE IDEOLOGY OF RADICAL ISLAMISM

(on publications of the Hizbut-Tahrir al-Islami)

Статья посвящена изучению метаморфоз идеалов конституционализма в рамках политического ислама. Акцент делается на анализе конституционного проекта исламистской организации «Хизбут-Тахрир аль-Ислями». Автор приходит к выводу о том, что гетерогенная доктринальная база данной политической структуры демонстрирует генетические связи с идеалами европейского Модерна, предстающими в видоизмененной форме. Приводятся аргументы в пользу тезиса о том, что указанный проект представляет собой образец псевдоконституционализма, который призван замаскировать реакционность политической идеологии Хизбут-Тахрир, пытающейся эксплуатировать разочарование демократией, скомпрометированной неэффективными правительствами, но не имеющей возможности игнорировать непривлекательность для современного общества застарелых рецептов автократии. В исследовании демонстрируется избирательность идеологов Хизбут-Тахрир по отношению к наследию общественно-политической мысли суннитского ислама классического периода, в частности игнорирование как разделяемой ханафитскими, маликитскими и большей частью шафиитских богословов позиции о «закрытии врат иджтихада», так и доктрин крупнейших шафиитских правоведов классического периода.

Ключевые слова: общественно-политическая мысль мусульманских стран, исламизм, радикализм, Хизбут-Тахрир, конституционная теократия, нелиберальная демократия

The article examines the transformation of the ideals of constitutionalism in the political Islam. The emphasis is made on the analysis of the constitutional project of the Islamist organization «Hizbut-Tahrir al-Islami». The author concludes that the heterogeneous doctrinal base of this political structure shows genetic links with the ideals of European modernism, which appears in a mutated form. It is argued in favor of the thesis that this project represents a sample of a pseudo-constitutionalism, which is used to conceal reactionary character of the political ideology of Hizbut-Tahrir, trying to exploit the people's disappointment in democracy caused by ineffective governments, but not having ability to ignore the unpleasantness of archaic authoritarian ideas for modern society. The study demonstrates the selectivity of the ideologists of Hizbut-Tahrir in relation to the heritage of political thought of Sunni Islam of the classical period, in particular ignoring shared by Hanafi, Maliki and the biggest part of Shafi'i scholars positions about «closing of the gates of ijthihad» and doctrines of the most famous Shafiit's jurists.

Keywords: social and political thought of Muslim countries, Islamism, radicalism, Hizbut-Tahrir, constitutional theocracy, illiberal democracy

Итоги Арабской весны показали несостоятельность оптимистических прогнозов о возможности относительно безболезненного построения демократических конституционных систем после крушения авто-

ритарных режимов в странах Большого Ближнего Востока. Происшедшее усиление исламистских движений ставит вопрос не только о возможности демократического развития обществ мусульманского мира, но и о цивилизационной специфике ценностей Модерна в данном регионе.

Образ исламистских движений, создаваемый медиа, как единой волны, грозящей смести конституционные системы региона, не соответствует действительности. С момента появления в Арабском мире в 1861 г. первой писаной конституции (Основной закон бейлика Туниса) [Brown 2002: 16] по сей день конституционализм является точкой соприкосновения многих политических сил стран Востока – как либерально-секуляристских, так и исламистских. И если в конце XIX – начале XX вв. модернисты бились против консервативных богословов, осуждавших конституции, то уже некоторое время спустя конституционализм стал значимым элементом и исламистского дискурса, о чем свидетельствуют работы его основоположников – Хасана аль-Банна [Mossaili 1993: 170-171] и Абуль ала-Маудуди, который с привлечением мусульманских богословов различных направлений и школ инициировал в 1951 г. разработку Основных принципов исламского государства, заложивших вехи исламского конституционализма [Maududi n.d.: 26, 331-336].

К настоящему времени именно исламистские движения региона стали основной движущей силой конституционной теократии – правового и политического порядка, являющего собой «пересечение этих двух стремительных трендов: громадного роста общественной поддержки принципов теократического правления и глобального распространения конституционализма» [Hirschl 2010: 3].

Данная тенденция находит свое проявление и в доктринальной базе радикальной транснациональной исламистской организации «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» (Партия исламского освобождения, далее – ПИО), основатель которой шейх Таки ад-Дин ан-Набхани в 1953 г. составил свой «конституционный» проект.

Выстраивая аргументацию на утверж-

дении об исчерпывающем характере предписаний Корана и Сунны по поводу устройства системы публичной власти, последователи ПИО считают, что у неверных все-таки могут быть заимствованы отдельные «административные законы», которые якобы «не выражают определенную точку зрения на жизнь». К их числу адепты ПИО парадоксально относят и основной закон государства – конституцию. При этом оговаривается, что исламская конституция принципиально отличается от европейских тем, что ее источником являются не человеческие соображения, а Коран и Сунна, и принимается она не «учредительными собраниями», «избираемыми народом, палатами депутатов», а «образуется иджитхадом муджтахидов, и из числа этих иджитхадов халиф принимает определенные законы» [Набханий 2001б: 47, 48].

Ан-Набхани дает описание особой юридической техники оформления такой конституции: «...должно иметься введение, которое ясно объясняет тот мазхаб, из которого взята каждая статья, а также объясняет доказательство, на которое опирается мазхаб. Если же статья выведена посредством правильно выполненного иджитхада, то введение должно иметь разъяснение доказательства, из которого выведена статья» [Набханий 2001б: 49]. Однако проект, предложенный самим палестинским шейхом, данным требованием не удовлетворял и представлял собой по форме стандартную структуру, состоящую из 186 статей без каких-либо богословских пояснений [Набханий 2001б: 58-60].

В качестве следствия постулата об исламском вероучении как единственной основе законодательства аргументировалось отрицание гражданских прав и свобод, которые в конституционном проекте ан-Набхани не упоминались, а в других документах ПИО подвергались критике [Набханий 2001б: 19]. Обращает на себя внимание очевидно карикатурное понимание прав и свобод человека, проявляющееся в работах идеологов ПИО, рассматривающих указанные концепты как освобождение от какой бы то ни было ответственности без учета сложности и исторической изменчивости теории гражданских прав, их ограниченного характера, наличия опыта

их сочетания с исламом (как в его относительно радикальной интерпретации в случае Хасана Тураби [Hamdi 1998: 70-71], так и в достаточно умеренной у составителей Даккской декларации по правам человека в исламе 1983 г.). Они «считают, что фундаментальные права и свободы в соответствии с исламом являются неотъемлемой частью исламской религии (веры) `...` они являются обязательными божественными повелениями» [Жданов 2003: 362].

Отрицание гражданских свобод в случае ПИО соседствует с требованием правового равенства «независимо от религии, расы, цвета кожи», запретом дискриминации, в т.ч. в вопросах правосудия и управления обществом (ст. 6 проекта ан-Набхани). Однако эгалитаризм деклараций не подтверждается содержанием императивных норм, признающих рабство, запрещающих немусульманам занимать государственные посты (ст. 19), быть судьями (ст. 69), полноправными членами маджлисов (ст. 103), участвовать в выборах халифа (ст. 26), а также ущемляющих их в родительских правах (ст. 118), правах на учет этноконфессиональных особенностей в системе образования (ст. 172).

Образец государства ПИО – персоналистский режим, во главе которого стоит халиф, обладающий всей полнотой власти (ст. 37), – несменяемый лидер (ст. 34), олицетворение государства (ст. 35), полномочия которого ограничиваются лишь шариатом (ст. 36). При этом халиф рассматривается в качестве верховного толкователя шариата, что делает его полномочия, по сути, беспредельными.

Содержащиеся в документе намеки на систему сдержек и противовесов в виде права судов отстранять халифа от власти (ст. 40 и 82) нивелируются полномочиями халифа по самовольному изменению конституции и назначению судей, хотя ранее упомянутый Маудуди доказывал, что глава исламского государства не должен быть наделен подобным правом и придавал большое значение реализации принципа разделения властей [Maududi n.d. 325, 319]. Хасан Тураби также демонстрировал иное видение исламской политики, акцентируя внимание не на фигуре халифа, а на принципе «шура» (совет) как центральном прин-

ципе политического правления, легитимирующем его концепт, и предлагая широкое использование демократических институтов в системе исламского государства [Tønnessen 2009: 313-329].

Проект ПИО предполагает избрание халифа посредством прямых выборов мусульманами – гражданами исламского государства (ст. 33), что в корне отличается от позиции суннитских правоведов классического периода, которые в качестве субъектов избирательного права понимали лишь «людей выбора» (ахль аль-ихтийар), «людей, имеющих право развязывать и связывать» (ахль аль-халль валь акд) – авторитетнейших знатоков религиозного закона, сановников. Причем ведущие средневековые юристы (например, аль-Маварди и аль-Джувайни) утверждали возможность осуществления выбора халифа всего одним человеком из числа имеющих на это право [Туманян 2009: 58, 83, 84, 103, 120, 330]. Одним из немногих средневековых направлений общественной мысли Востока, разделявших идею о праве каждого мусульманина участвовать в выборах халифа, являлись хариджиты, в некоторых группах которых не только все свободные мусульмане мужского пола участвовали в выборах главы общины, но иногда даже требовалось единодушное согласие избирателей по поводу утверждения той или иной кандидатуры (например, надждийиты) [Stone 2005: 59-61].

Требование избирательных прав в сочетании с отрицанием западной демократии, которая характеризуется как запретная для мусульман «система неверия» [Набханий 2001a: 152], представляет проект ПИО в качестве своеобразной «нелиберальной демократии» – системы, где синкретично существующие в европейских странах конституционализм, либерализм и демократия существуют раздельно и антагонистичны друг другу [Закария 2004: 123-170].

Подводя итоги рассмотрения элементов конституционализма в идеологии ПИО можно прийти к следующим выводам.

1. Наблюдаемые в случае ПИО попытки соединить архаичный социальный идеал и конституционные формы его закрепления, политико-правовая эклектика институтов автори-

тарного правления и демократических начал демонстрируют гетерогенность идеологии данной организации, генетические связи всего исламизма с идеалами европейского Модерна, которые, будучи имплантированы в инокультурную среду, приспособившись и оказывая серьезное влияние на общественное сознание, иногда предстают в одеждах мусульманского богословия.

2. Заимствование западных конституционных формулировок при декларировании идеологами ПИО уважения к масхабам (и особом пиетете к шафиизму, которого придерживался ан-Набхани) сопровождается неаргументированным игнорированием как разделяемой ханафитскими, маликитскими и большей частью шафиитских богословов теории о «закрытии врат иджитхада», так и доктрин крупнейших шафиитских правоведов классического периода.

3. Проект ПИО, в отличие от идей умеренных исламистских организаций, представляет собой образец псевдо-

конституционализма, что проявляется в отрицании прав и свобод граждан, защита которых и является главной целью и ценностью классического конституционализма, нацеленности на формирование персоналистского режима – ничем не ограниченной власти, прикрываемой «фиговым листком» основного закона.

4. Псевдоконституционализм ПИО призван замаскировать авторитаризм политического проекта, эксплуатирующего разочарование демократией, скомпрометированной неэффективными правительствами, но не способного игнорировать непривлекательность для современного общества застарелых рецептов автократии.

Идеология исламизма позволяет взглянуть на либеральные ценности по-новому, выявить неочевидные взаимосвязи и, углубив свое понимание фундаментальных основ, обрести новые ориентиры развития политико-правовых структур постсовременного мира.

Литература

Жданов Н.В. 2003. *Исламская концепция миропорядка*. М.: Международные отношения, 568 с.

Закария Ф. 2004. *Будущее одной свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами* (пер. с англ. В. Иноземцева). М.: Ладомир, 384 с.

Набханий Т. 2001а. *Исламское государство*. Б.м.: Изд-во «Дар аль-Умма», 191 с.

Набханий Т. 2001б. *Система Ислама*. Б.м.: Изд. Хизбут-Тахрир, 74 с.

Туманян Т.Г. 2009. *Религия и власть в социально-философской мысли ислама (эпоха средневековья)*: дис. ... д. филос. н. СПб., 375 с.

Brown N.J. 2002. *Constitutions in a Nonconstitutional World: Arab Basic Laws and the Prospects for Accountable Government*. Albany, NY: State University of New York Press, 244 p.

Crone P. 2005. *Medieval Islamic Political Thought*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 462 p.

Hamdi M.E. 1998. *The Making of an Islamic Political Leader: Conversations with Hasan al-Turabi* (transl. by A.A. Shamis). Boulder, Colorado (US); Oxford (UK): Westview Press, 148 p.

Hirschl R. 2010. *Constitutional Theocracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 314 p.

Maududi S.A.A. n.d. *The Islamic Law and Constitution*. Lahore: Islamic publications (Pvt.) Ltd., 406 p.

Mossailli A.S. 1993. Hasan al-Banna's Islamist Discourse on Constitutional Rule and Islamic State. – *Journal of Islamic Studies*. Vol. 4, № 2. P. 161-174.

Tønnessen L. 2009. Democratizing Islam and Islamizing Democracy: An Inquiry into Hasan al-Turabi's Conception of Shura in Light of Western Democratic Theory. – *Nordic Journal of Human Rights*. Vol. 27, № 3. P. 313-329.